

»ОБЩЕНИЯ

V . V . V A V . V .

Ю. В. Иванова

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX вв.)

Албанские поселения возникли в России в начале и середине XIX в. в местах, которые ныне входят в Одесскую и Запорожскую области УССР.

В первые десятилетия XIX в. в Бессарабии сформировалось население, очень разнообразное по этническому составу и культуре. Прутско-Днестровское междуречье вошло в состав России по Бухарестскому мирному договору 1812 г. В целях хозяйственного освоения малозаселенной южной части Бессарабии (Буджак) русская администрация направила туда поток иммиграции.

Однако регион заселялся не только планомерно, но и стихийно — беженцами. Среди переселенцев обеих категорий были мигранты различной этнической принадлежности, и в том числе русские — крестьяне из центральных районов России¹. В числе беженцев — выходцы с Балканского полуострова — христиане из областей, принадлежавших Османской империи, — раяты. Спасаясь от турецкой администрации, эти неполноправные подданные султана уходили в Прутско-Днестровское междуречье начиная с последней трети XVIII в. Наиболее массовое переселение происходило в разгар Русско-турецких войн — в 1811 г. и 1829 гг.²

Мигранты пополнили население Буджака, чрезвычайно разнообразное по этнической принадлежности: здесь жили молдаване, ранее прибывшие болгары, греки, украинцы и русские, а также немецкие колонисты, переселенные из Варшавского герцогства в 1814—1817 гг.³

После 1812 г. в Буджаке среди многих этнических групп численно преобладали молдаване, хотя они и не составляли абсолютного большинства населения⁴.

Мигрантов из-за рубежа размещали на правах так называемых «иностранных колонистов». При условии перехода в русское подданст-

¹ Кишиневские епархиальные ведомости (далее — КЕВ), 1878, № 4, с. 165—170.

² Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XX в.). Кишинев: Штиинца, 1974, с. 24, 44, 45; История на град Толбухин. София, 1968, с. 45; Центральный Государственный архив Молдавской ССР (далее — ЦГА МССР), ф. 5, оп. 3, д. 244; ф. 134, оп. 3, д. 2, 4, 18, 22, 26—33, 36—38, 44, 45, 49, 52.

³ Кабузан В. М. Указ. раб., с. 24—29, там же см. ссылки на документы.

⁴ Там же, с. 28.

во им предоставлялись большие земельные наделы, денежные ссуды и некоторые правовые льготы⁵.

Из болгарских земель в Бессарабию переселились болгары, гагаузы и албанцы. Их называли «задунайские переселенцы». Среди них численно преобладали болгары⁶. Переселенцы не сразу прочно оседали на новых землях: отдельные группы в поисках лучших условий переходили с места на место, некоторые из них возвращались обратно за Дунай⁷. Надо полагать, что выходцы из различных районов Болгарии сильно перемешались при этих передвижках. Задунайские переселенцы длительное время сохраняли диалектальные различия, но в их среде постепенно сложились общие формы культуры и быта⁸. Административным и торгово-ремесленным центром болгарских колоний стал город Болград. Гагаузы расселились преимущественно севернее его, а в окрестностях Болграда (к югу, юго-востоку и северо-востоку от него) болгарские и гагаузские села располагались чересполосно, были и села со смешанным населением.

Наименьшей по численности среди задунайских колонистов была группа албанцев — выходцев из восточной Болгарии. Известно, что с конца XV в. до начала XIX в. некоторые группы албанцев переселялись на восток, в болгарские земли⁹. Топонимика современной Болгарии хранит следы албанских поселений. На юго-востоке этой страны есть албаноязычное село Мандрица, в пределах современной Турции, в окрестностях Эдирне, — еще несколько¹⁰. В начале XIX в. вместе с потоком болгарских переселенцев в пределы России прибыли албанцы из с. Девни, расположенного близ Варны, и из-под г. Сливены¹¹.

В Буджаке албанцы поселились в с. Каракурт (ныне с. Жовтнево Одесской обл. УССР), где до сих пор составляют основное население. К ним присоединились болгары и гагаузы¹². Тенденции этнического развития этих трех этнических групп, живущих полтора столетия в одном населенном пункте, представляют несомненный интерес¹³.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗ, I), т. 36, № 28054; *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М.: Наука, 1970, с. 110—116, 258—262; *Клаус А.* Наши колонии. СПб., 1869, с. 243, 357, 365. Документы по этому вопросу, хранящиеся в различных архивах СССР, опубликованы в кн.: *История Молдавии. Документы и материалы. Т. II. Устройство задунайских переселенцев и деятельность А. П. Юшневского/Под ред. Черепнина Л. В.* Кишинев: Школа советика, 1957. См. также не вошедшие в эту публикацию документы: ЦГА МССР, ф. 3, оп. 4, д. 200, лл. 1—7; ф. 5, оп. 1, д. 352, 359; ф. 5, оп. 2, дд. 143, 244, 318, 464, 909; ф. 44, оп. 1, д. 246; ф. 305, оп. 1, дд. 57, 331.

⁶ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 3246, лл. 215—232/об.; ф. 3, оп. 4, д. 139, лл. 1—9; ф. 5, оп. 2, д. 439, лл. 1—714/об.; д. 442, лл. 17—449. См. также *Кабузан В. М.* Указ. раб., с. 45.

⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 69, лл. 1—4; ф. 3, оп. 4, д. 24; ф. 5, оп. 2, д. 143, лл. 3—231/об.; ф. 17, оп. 1, д. 47; ф. 122, оп. 1, д. 29; ф. 134, оп. 3, д. 103, 114; ф. 305, оп. 1, д. 107, 108.

⁸ *Мецкерук И. И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в южной Бессарабии (1808—1856). Кишинев: Изд-во АН МССР, 1971; *Маркова Л. В.* Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР.— В кн.: *Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации.* М.: Наука, 1966; *ея же.* О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар.— *Сов. этнография*, 1974, № 1.

⁹ *Яранов Д.* Преселническо движение на българии от Македония и Албания към източните български земи през XV—XIX ввк.— В кн.: *Македонски преглед.* Т. VII, кн. 2, 3. София, 1932, с. 90.

¹⁰ *Десницкая А. В.* Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968, с. 372—374.

¹¹ *Державин Н. С.* Из исследования в области албанской иммиграции на территории бывшей России и УССР.— В кн.: *Сборник в чест на проф. Л. Милетич.* София, 1933, с. 504—512; *Маринов В.* Миналото на с. Девня.— В кн.: *Езиковедско-етнографски наследования в памет на ак. Стоян Романовски,* София, 1960.

¹² Село Каракурт основано в 1811 г. На начало 1832 г. в нем числилось 63 семьи, состоявших из 461 человека (240 м. п. и 221 ж. п.). В селе была 61 землянка и ни одного дома — *Кабузан В. М.* Указ. раб., с. 119.

¹³ Данная работа выполнена на основе полевых материалов автора 1948, 1949, 1969, 1970, 1978, 1979, 1980 гг.

В с. Каракурт особенно ясно видна та этническая ситуация, которая сложилась еще в северо-восточной Болгарии и стала характерной для южной Бессарабии (Буджака) в целом: между болгарами, гагаузами и албанцами существовали постоянные и оживленные хозяйственные связи; будучи одного — православного вероисповедания, представители этих этнических групп заключали между собой браки, в случае необходимости осваивали языки друг друга.

Культура гагаузов в Бессарабии, так же как и в Болгарии, имеет определенную тенденцию к сближению с болгарской (что не удивительно при длительном проживании среди болгарского этнического массива) и в то же время сохраняет специфические черты, отличающие тюркоязычных гагаузов, возможно потомков кочевников, от болгар, предки которых были оседлыми земледельцами¹⁴.

Албанцы, прибывшие в Буджак в числе задунайских переселенцев, принадлежали к группе, давно оторвавшейся от своего этнического массива, на протяжении не менее шести поколений жившей среди болгар и испытавшей их влияние как в области языка, так и в культуре¹⁵.

В результате длительного процесса этнокультурного сближения трех этнических групп Каракурта стали общими различные стороны их культуры и быта, способы ведения хозяйства, народная архитектура, повседневная одежда, поэтическое, танцевальное и музыкальное народное творчество, семейные и календарные обычаи и обряды и т. п. Разумеется, эти стороны быта имели неодинаковое значение для самосознания каждой этнической группы.

У всех задунайских колонистов применялась одна и та же сельскохозяйственная техника¹⁶. Пахотными орудиями служили рало с железным лемехом и деревянный плуг, который имел кривой грядиль, железный лемех и колесный передок. Приемы обработки земли, набор основных сельскохозяйственных культур были у них одинаковыми. Это обстоятельство отразилось в специальной терминологии; лемех здесь обычно называют *лемеш* (хотя некоторые старики помнят и собственно албанское слово *pluhur*), озимую пшеницу называют зимка и т. д. Втянутые со второй половины XIX в. в процесс товаризации хозяйства, колонисты в массе своей оказались в довольно благоприятных условиях. Машинизация сельскохозяйственных работ у них была сравнительно высока¹⁷.

У албанцев, болгар и гагаузов Каракурта (равно как у болгар и гагаузов Буджака в целом) сложились одинаковые формы жилища,

¹⁴ *Зацук А.* Материалы по географии и статистике, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская губерния. СПб., 1863, с. 145—204; *Марков Г. Е.* Материалы по этнографии гагаузов.— Краткие сообщения Ин-та этнографии. Вып. XIX. М.: Наука, 1953, с. 56 и сл.; *Губогло М. Н.* Этническая принадлежность гагаузов.— Сов. этнография, 1967, № 3, с. 163, 167; *его же.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов.— Археология, этнография, искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1968.

¹⁵ См.: *Котова И. В.* Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины).— Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. XIII. М., 1956; *Широков О. С.* Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии).— Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1962, № 4, с. 26—36; *Islami S.* Material gjuhësor nga kolonite shiptare të Ukrainës.— Buletin per shkencat shoqërore, 1955, № 2; *idem.* Materiel linguistique des colonies albanaises d'Ukraine.— Studia Albanica, 1965, № 2, p. 165—186; *Десницкая А. В.* Указ. раб., с. 374—376; *Воронина И. И., Шаропова Л. В.* О структуре генитивного словосочетания в говоре албанцев Украины.— Грамматический строй балканских языков. Л.: Наука, 1976, с. 174.

¹⁶ См. о месте сельскохозяйственной техники в этнической типологии подробнее: *Чеснов Я. В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии.— Сов. этнография, 1972, № 4; см. также *Козлов В. И.* Этнос и культура.— Там же, 1979, № 3, с. 74—75; *Арутюнов С. А.* Проблемы этничности и интерэтничности культуры.— Там же, 1980, № 3, с. 63, 65

¹⁷ *Гросул Я. С., Будак И. Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861—1905). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1972, с. 588, 589.

применялась одинаковая строительная техника. Трехраздельная планировка с теплыми сенями¹⁸ посередине сформировалась в результате развития дома в местных условиях обитания — в Буджаке. Жилое помещение с очагом — исходная форма жилища, которая существовала еще в середине XIX в., а кое-где и во второй половине XIX в., — трансформировалось в срединное проходное отапливаемое помещение трехраздельного дома¹⁹.

Повседневная одежда представителей трех этнических групп, населявших Каракурт, пройдя в местных условиях определенный путь развития, была однотипной. В общих, принципиально важных чертах она была такой же, как у болгар и гагаузов в других селах Буджака, хотя, конечно, искусенный глаз мог отметить местные изменения в деталях покроя, в способе ношения того или иного предмета костюма.

Женщины Каракурта носили платье без рукавов (*чукман*, *сукман*). Лиф его с круглым вырезом и застежкой спереди был облегающим, юбка — широкой, со многими сборками. С боков и сзади сборок было больше, спереди, под фартуком, — меньше²⁰.

В праздничные дни женщины надевали платье, покроем которого по существу был близок покрою чукмана: узкий лиф и широкая юбка. Отличие составляли длинные рукава с буфами²¹.

Такое платье, сшитое из шерстяной домотканины, здесь также называлось чукман, а из фабричной ткани — *врагам*.

Платье описанного выше типа (рукава с буфами) распространено в Болгарии. В Албании оно бытует только на юго-востоке страны, где традиционно для жительниц с. Дарда и некоторых других сел, расположенных в окрестностях г. Корчи.

При сравнении традиционных женских платьев из сел Каракурт и Дарда бросается в глаза идентичность покроя, предпочтительность расцветок ткани, способов украшения. Совпадают даже мелкие детали: количество складок на рукавах, расположение декоративных пуговиц, обработка края подола и инд. др. Одинаковы и наименования частей платья и его украшений²². Следовательно, место, откуда вышли предки албанцев, живущих ныне на Украине (юго-восточная область Албании), определяется помимо лингвистических и некоторыми этнографическими материалами, среди которых очень важным показателем является описанный вид платья.

У жителей села Каракурт сложились общие формы семьи, семейного быта, семейной обрядности.

В главных чертах свадебная обрядность потомков задунайских колонистов едина. Она входит в широкий круг сходных между собой об-

¹⁸ «Теплые сени» — несколько условный термин, принятый в специальной литературе для отличия дома балканских народов от восточнославянского с «холодными сенями» — неотопливаемым преддверием собственно жилого помещения.

¹⁹ *Маркова Л. В.* Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье. — В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 62—74; *ее же.* Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР. — В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979, с. 126—149; *Маруневич М. В.* Некоторые особенности культуры гагаузов Одесской области УССР. — Там же, с. 150—172; *ее же.* Поселения, жилища и усадьба гагаузов южной Бессарабии в XIX — начале XX века. Кишинев: Штиинца, 1980; *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев. — В кн.: Материальная культура компактных этнических групп на Украине. М.: Наука, 1979, с. 119—129.

Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время. — В кн.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1964, с. 62—77; *Маркова Л. В.* О проявлении этнической специфики, с. 45—54; *Иванова Ю. В.* Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 9, 34, 64, 65, 67. — Архив Ин-та этнографии АН СССР.

²¹ *Маркова Л. В.* О проявлении этнической специфики..., с. 56, 57.

²² Полевые записи автора 1966 г., тетрадь Албания, с. 44, 45; см. также альбом: *Arti popullor në Shqipëri*. Tiranë, 1959, tabl. 4.

рядовых комплексов, в том числе молдавских и украинских²³. Однако в разных болгарских и гагаузских селах Бессарабии существуют местные детали свадебного обряда, возможно, частично восходящие к очень древним локальным этническим особенностям.

В Каракурте свадьбы, справляемые албанцами, болгарам и гагаузами, не различаются даже в деталях. Собственно свадьбе предшествовали обряды сватовства и помолвки (алб. *рурэ*, болг. *годеж*, *гудеж*, гаг. *соз*, *года*)²⁴.

Основные моменты свадьбы: прощание невесты с родными, торжественный вывод ее из родительского дома, переезд (переход) в дом свекра, церемония ввода молодых в дом родителей мужа, снятие с новобрачной свадебного покрывала, обряды первой брачной ночи. Главный свадебный пир происходил в доме родителей молодого. Новобрачные в праздничном застолье не участвовали; молодую в отдельном помещении кормили ее родственники, которые приносили еду с собой. Главные распорядители всех свадебных церемоний — посаженные отец (алб. *нун*, болг. *кум*, гаг. *нун*, *саадыч*) и мать (алб. *нуна*, болг. *кума*, гаг. *нуна*, *наша*, *саадычка*). Это были крестные отец и мать жениха (в случае их смерти право быть посаженными родителями переходило к их близким родственникам). Две семьи — брачующихся и их кумовьев — на протяжении нескольких поколений были связаны кумовством, предполагавшим самые близкие отношения, едва ли не крепче родственных.

Для цикла свадебных обрядов характерно приготовление приданого для невесты (алб. *чийиз*, болг. *дарова*, гаг. *чииз*), выставление его на всеобщее обозрение и выкуп его стороной жениха; выпечка ритуальных хлебов (караваев, калачей), фигурирующих в разные моменты совершения обряда; сооружение свадебного знамени (общее для всех названий — *байрак*), применение различных ритуальных атрибутов красного цвета, в том числе покрывала для невесты (алб. *скеп*, болг. *було*, гаг. *дуак*).

Послесвадебные обряды: ритуальные действия и символы, указывающие на целомудрие новобрачной, первый выход молодой к колодцу за водою и выполнение других работ по хозяйству, посещение молодоженами родителей молодой²⁵.

Не различаются у изучаемых этнических групп обряды не только свадебные, но и связанные с рождением и воспитанием ребенка, а также погребальные ритуалы²⁶.

В годовом цикле календарных праздников очень много черт, связывающих изучаемый район с обширным ареалом Юго-Восточной Европы. Любопытно особое почитание Георгиева дня, ритуалы рождественско-новогоднего цикла и др.²⁷

В музыкальном и песенном репертуаре потомков задунайских колонистов сохранились некоторые старинные черты балканского фольклора

²³ Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX — начала XX в.). Кишинев: Карта Молдовеныска, 1959; Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев: Наукова думка, 1970; Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980.

²⁴ Все приводимые здесь термины записаны в с. Жовтневом. В других болгарских и гагаузских селах имеются другие варианты.

²⁵ Полевые записи автора 1979 г., тетрадь Бессарабия, с. 16, 17, 27—29, 32—35, 37—41, 45, 53, 54, 57—59, 65—68; 1980, с. 3—24, с. 3—24, 30, 69, 72—75.

²⁶ Полевые записи автора 1980 г., тетрадь Бессарабия, с. 40—43, 62—64, 67, 68; ср. Демиденко Л. А. Указ. раб., с. 79—82; Курогло С. С. Указ. раб., с. 17—37, 93—

²⁷ Полевые записи автора 1980 г., тетрадь Бессарабия, с. 30, 48—53, 58, 65, 66, 72—74; Маркова Л. В. Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуречья Прута и Днестра.— В кн.: Известия на етнографския институт и музей. Т. XI. София, 1968, с. 151—168; Стойко. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени.— КЕВ, 1910, № 38, с. 1362—1481; № 41, с. 1476.

(как в вокале, так и в инструментари). Албанцы Каракурта исполняли (как и ныне) гораздо больше песен на болгарском, чем на своем родном языке. Немногие албанские песни, известные в Каракурте, зачастую являлись переводом с болгарского, только единичные из них отличаются от болгарских по ладовому строю и могут быть сочтены за истинно албанские. Гагаузский фольклор, не имеющий генетической связи с южнославянским и сохраняющий в известной степени оригинальные формы, испытал сильное болгарское влияние. Гагаузы также часто переводят на свой язык болгарские песни.

В результате живого и длительного обмена фольклорный фонд трех этнических групп в с. Каракурт (как и в Бессарабии в целом) обнаруживает значительную общность, так что не всегда можно определить истоки той или иной песни, мелодии. Трехструнный смычковый инструмент с квартовой гармонией (алб. *дзыгулка*, болг. *гудулка*, гаг. *кауш*, *кеменча*) был популярен у всех в равной мере (хотя для болгар все же более характерны свирель и волынка). Молдавские песни не получили распространения среди колонистов. Танцы же (например, *жок*) они исполняли охотно²⁸.

Взаимообмен культурными навыками в среде задунайских колонистов был активным не только потому, что три этнические группы жили в одном селе, но и потому, что представители этих трех групп из поколения в поколение вступали между собой в брак (мужчины из Каракурта женились на девушках и из других болгарских и гагаузских сел, но такие браки в прошлом были редки). Здесь кроется еще одна причина общности семейных обычаев и обрядов.

Нередко женщина, выходящая замуж за человека другой национальности, плохо владела языком его семьи. Она осваивала его, живя в этой семье, особенно если в доме была свекровь. С мужем и детьми продолжала говорить на родном языке. Со временем, когда она становилась старшей хозяйкой в доме, ее родной язык превалировал в семейном быту над остальными и ее невестка в свою очередь должна была его освоить. Дети же обычно охотнее пользовались тем языком, на котором говорила окружающая детвора. Можно привести много примеров двух-, даже трехязычия в одной семье, где у каждого поколения вырабатывалось свое предпочтительное отношение к тому или иному языку²⁹.

Итак, этническая ситуация в с. Каракурт в XIX — первой половине XX в. являла собой пример интеграции трех этнических групп, которые, несмотря на резкие языковые различия, образовали на основе всеобщего многоязычия единую культурную общность.

Культурная общность жителей с. Каракурт была частью более широкой общности потомков задунайских переселенцев, которая начала складываться еще на болгарских землях, где немногочисленные группы албанцев и гагаузов ассоциировались с болгарским этносом. Вся эта группа населения в целом не была ассимилирована численно преобладавшим и социально главенствовавшим этносом — молдавским в одних случаях и украинским — в других. Охарактеризованная выше культурная общность на юге Бессарабии явственно видна постороннему наблюдателю, например этнографу. Сами же носители интегрированной культуры гораздо четче определяют локальные различия, чем сходные черты.

²⁸ Сведения о песенном и музыкальном фольклоре сообщили научный сотрудник Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР П. Ф. Стоянов и "проф. Ин-та искусств г. Кишинева композитор Н. Г. Киоса, за что автор приносит им глубокую благодарность.

²⁹ Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 110, 111, 113 138 139 1978, с. 4, 1979, с. 4, 12—14, 29/об., 31, 60; 1980, с. 34.

Контакты с другими жителями южной Бессарабии у задунайских колонистов были ограниченными еще в первые десятилетия XX в.³⁰ Браки с ними не заключались. Общение с украинцами и русскими (тех и других колонисты называли «русскими»), а также с молдаванами происходило, как правило, при помощи русского языка. Ему в небольшом объеме обучали в четырехклассной школе, в которой преподавал один учитель³¹. Мальчики учились в этой школе два-три года, а девочки и того меньше (полный курс редко кто заканчивал). Мужчины осваивали русский язык, находясь на военной службе или выезжая по торговым делам за пределы села. Когда в 1918 г. Бессарабия отошла к Румынии, прекратилась всякая возможность освоения русского языка.

Вступать в активные бытовые контакты с немецкими колонистами, села которых находились по соседству, жителям Каракурта мешал своего рода психологический барьер, обусловленный не только религиозными различиями, но и разным образом жизни. Окружающее население переняло у немецких колонистов лишь отдельные хозяйственные навыки³².

В настоящее время происходит интернационализация культуры. Одним из существенных средств этнической интеграции является русский язык. После воссоединения Бессарабии с Советским Союзом (1940 г.), а особенно после освобождения ее в ходе второй мировой войны (1944 г.) контакты с русским населением сделались постоянными. Стали заключаться браки с русскими и украинцами³³. Дети албанцев, болгар и гагаузов бывшего села Каракурт—современного Жовтневого — получают среднее образование на русском языке в местной школе-десятилетке (к учебе в русскоязычной школе их готовят еще в старшей группе детского сада). Позже знание русского языка закрепляется в годы учебы в высших учебных заведениях, во время службы в рядах Советской Армии, при выезде на работу в различные города и села нашей страны. Все виды информации: газеты, журналы, радио- и телевизионные передачи и т. п.— в Одесской области осуществляются на русском языке, в несколько меньшей степени — на украинском³⁴.

Естественно, что ряд слов и выражений, касающихся научных, технических, общественно-политических и других понятий, а также отдельные разговорные фразеологизмы переходят из русского и отчасти украинского языков в языки местного населения, обогащая их словарный запас. С помощью русского языка идет приобщение к общесоветским формам культуры.

Но для коренных жителей с. Жовтневого русский язык не стал средством общения между старожильческими этническими группами, как это имеет место, например, в многонациональном Дагестане. Албанцы, болгары, гагаузы в общении между собой легко переходят с одного языка на другой. По-русски они говорят с представителями других национальностей, живущими в селе или за его пределами. Таким образом, русский язык не вытесняет из обихода родные языки. У представителей

³⁰ В 1906 г. государственная комиссия, созданная для упорядочения системы налогообложения в Южной Бессарабии, отмечала, что население этого края плохо знает русский язык и слабо ориентируясь в фискальной системе, легко поддается эксплуатации (Измайльский уезд. Журнал совещания по вопросу об отмене взимаемой с населения Измаильского уезда Бессарабской губ. личной подати, 1906, б. м., с. 13). В 1911 г. в выборах местного самоуправления участвовало около 100 человек. В протоколе их поименный перечень заканчивается так: «...а за них, неграмотных, равно как и за себя, расписались...», далее следует 10 собственноручных подписей крестьян.— ЦГА МССР, ф. 9, оп. 1, ч. 1, д. 227, л. 28—28/об.

³¹ ЦГА МССР, ф. 9, д. 2237.

³² Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 44; 1980, с. 76/об.

³³ Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 11, 13, 62, 110—111- 1979, с. 20/об.

³⁴ См. подробнее *Губогло М. Н.* Этнолингвистические процессы на юге Молдавии.— В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 30 и сл.

всех поколений он становится вторым, третьим и даже четвертым и пятым.

Функциональность каждого из языков проявляется так: за албанским, болгарским и гагаузским закрепляется функция общения на бытовом уровне, русский язык привлекается по большей части для контактов на общественном уровне, вместе с тем он все шире проникает в бытовую сферу культуры, в то время как родные языки в сферу общественной жизни почти не проникают³⁵. Эта ситуация характерна не только для с. Жовтневого, но и для всей национально-смешанной зоны южной Молдавии и Одесской области Украины³⁶.

На фоне единообразия хозяйственной деятельности, быта и культурных навыков, межэтнических браков и всеобщего многоязычия этническую принадлежность индивида этнографу определить нелегко.

По существу в этой конкретной ситуации можно говорить лишь об этническом сознании и этническом самосознании, т. е. о субъективном отношении жителей Жовтневого к вопросу об этничности (национальной) принадлежности своей и своих иноэтничных односельчан³⁷.

Несмотря на многоязычие при охарактеризованной выше этнографической общности, ни один из элементов культуры не имел для этнического самосознания такого значения, как язык детства, т. е. родной язык. На основании родного языка каждая этническая группа в Жовтневом объективно объединена внутренне и отличается от других групп³⁸. По существу только на основании родного языка каждый индивид субъективно осознает себя членом своей этнической группы и отличает себя и свою группу от иноязычной, в данном случае иноэтнической³⁹.

Вторым фактором, закрепляющим этническое самосознание, является традиция, сложившаяся в семье, поддерживаемая общим мнением соседей. Человек признает себя албанцем, или болгаринном, или гагаузом на основании факта своего рождения в семье, которая сама себя считает албанской, или болгарской, или гагаузской (и соседи также относят ее к таковой), хотя семейные предания и хранят имена бабки из другой этнической группы или прабабки из третьей⁴⁰.

В старом Каракурте исторически сложились части села, в которых жили люди преимущественно одной национальности: албанцы занимали большую часть Второй и Третьей улиц, болгары и часть гагаузов — северный конец Второй улицы, гагаузы жили за р. Каракурт на Первой (или Заречной) улице⁴¹. Жители каждого из этих «концов» независимо от подлинной своей национальной принадлежности стремились прослыть в глазах других, особенно посторонних в селе людей, представителями преобладающей здесь этнической группы. Особенно характерно это для кварталов, заселенных наибольшей по численности группой — албанцами. Болгары и гагаузы, поселившиеся в этих кварталах, посторонним людям говорили, что они албанцы⁴². Трудно сказать, насколько осоз-

³⁵ С. А. Арутюнов называет это явление функциональным соотношением полилингвизма и поликультуризма. См. *Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм.* — Сов. этнография, 1978, № 2.

³⁶ *Губогло М. Н. Этнолингвистические процессы на юге Молдавии*, с. 32.

³⁷ Об этническом сознании и самосознании см. *Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.* — Сов. этнография, 1974, № 2.

³⁸ О противопоставлении своей этнической общности другой, в результате которого фиксируются этнические отличия и закрепляется понятие общности, см. *Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос».* — *Расы и народы.* I. М.: Наука, 1971, с. 12, 13.

³⁹ О неравнозначности этнических признаков и ведущем значении одного или нескольких из них см. *Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.* — Сов. этнография, 1972, № 3, с. 76—79.

⁴⁰ К. В. Чистов назвал бы такое этническое самосознание ненапряженным (слабо выраженным) и стихийным сознанием (*Чистов К. В. Указ. раб.*, с. 76).

⁴¹ Ныне улицы в с. Жовтневое имеют другие названия.

⁴² В 1969 г. 20 семейств, носящих фамилию Узун, жили на Заречной улице и считали себя гагаузами, 14 их однофамильцев из албанских кварталов считались албанцами, одна семья относилась к болгарам.

нанной была эта своего рода национальная мимикрия. Может быть, несмотря на единообразие жизни трех этнических групп, здесь вступали в силу законы естественной ассимиляции. Во всяком случае ясно, что в общественной жизни Каракурта (Жовтневого) соседские связи имели большое значение.

^ & *

В связи с отходом некоторых районов Бессарабии по Парижскому трактату 1856 г. к Молдавскому княжеству⁴³ часть населения получила разрешение перейти в пределы России и была расселена в Причерноморье и Приазовье⁴⁴.

К этому времени в Каракурте, как и в других селах Бессарабии, стал ощущаться недостаток земли. Поэтому домохозяйства зачастую делились: в то время как один из женатых братьев оставался на родине, другой выезжал на новые земли.

Албанцы, выехавшие из Каракурта в начале 1860-х годов, в 20 км к юго-востоку от г. Мелитополя (ныне Приазовский район Запорожской области УССР) основали три села — Девненское (Таз), Георгиевку (Тююшки) и Гаммовку (Джандран). Девненское и Георгиевка были населены только албанцами, половину жителей Гаммовки составили гагаузы. Вокруг этих сел образовался довольно обширный массив болгарских колоний, в который были вкраплены отдельные гагаузские и молдавские села. Основным же населением Приазовья были украинцы.

В Приазовье сложились почти те же межэтнические отношения, что и в Бессарабии: хозяйственные и бытовые контакты и смешанные браки с жителями соседних сел, главным образом болгарских⁴⁵. Хозяйственная деятельность, материальная культура, повседневный быт, народное творчество оставались в тех же формах интегрированной культуры (с преобладанием болгарского элемента), как она сформировалась в Каракурте.

В Девненском, Георгиевке и Гаммовке возводили жилые дома, ставшие традиционными в южной Бессарабии (Буджаке): по преимуществу трехраздельные, с теплыми сенями, куда выходило устье печи (сама печь находилась в жилой комнате). На очаге, который был расположен возле устья печи под ее прямой вытяжной трубой, готовили пищу. Приазовские албанцы, как и болгары, гагаузы и албанцы Буджака называли теплое жилое помещение «малой комнатой», а неотапливаемое парадное, расположенное по другую сторону сеней, — «большой комнатой». Все жилые дома в албанских селах Приазовья ставились к улице торцовой стеной. Ее, как и фронтон двускатной крыши над нею, украшали узорами из тесаного кирпича, пилястрами и башнеобразными наверхшиями, повторяя декоративные приемы, популярные в то время в Буджаке⁴⁶.

Сохранялся традиционный костюм — и женский (как праздничный врагам, так и повседневный чукман), и мужской. Для убранства жилых и парадных комнат дома по-прежнему домашним способом изготавливались многокрасочные шерстяные ткани.

Как и в Буджаке, албанцы танцевали характерные для населения Юго-Восточной Европы хороводные танцы (их албанское название *джок*

⁴³ С 1862 г. эти районы оказались в пределах вновь возникшего государства Румыния, в 1878 г. они были возвращены России.

⁴⁴ ПСЗ, II, т. 31, отд. 1, № 30411, ст. ст. 20, 21; ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 159, лл. 2—4, 466; ф. 122, оп. 2, д. 95, лл. 44 об., 21—21 об., д. 95, лл. 1—45; д. 97, 100; ф. 134, оп. 3, д. 154, 159, 163—179, 208, 212, 224, 259, 348, 708, 1021, 1323; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 14. СПб., 1910, с. 667—670.

⁴⁵ Державин Н. С. Албанцы-арнауты в Приазовье.— Сов. этнография, 1948, № 2; Полевые записи автора 1970 г., тетрадь Приазовье, с. 17, 32—35, 45—47, 57, 69.

⁴⁶ Будина О. Р. Указ. раб., с. 92—119.

явно происходит от молдавского жок), а песни пели преимущественно на болгарском языке.

Однако расселение однопациональными селами внесло ощутимые изменения в быт по сравнению с бытом Каракурта: практически отпала необходимость многоязычия. Болгарским языком владели преимущественно мужчины, которые посещали ярмарки, вели торговые дела и т. д. Женщины Георгиевки и Девненского знали лишь родной, албанский язык⁴⁷. Женщины из окрестных болгарских и гагаузских сел, выходя замуж в Георгиевку и Девненское, вынуждены были осваивать албанский язык. Перед посторонними людьми эти женщины обычно выдавали себя за албанок, их дети, безусловно, считались албанцами. Стремление принадлежать к численно преобладающей группе выражалось здесь еще сильнее, чем в Каракурте. Аналогичное положение было в соседних болгарских, гагаузских и молдавских селах.

Албанцы Приазовья приобретали сельскохозяйственный инвентарь, фабричные ткани, некоторые предметы обихода фабричного производства в ближайшем городе — Мелитополе, населенном русскими и украинцами, или на ярмарках в соседних крупных селах. Однако хозяйственные и культурные связи с городом были все же очень слабы, бытового общения с людьми русской и украинской национальности почти не возникало. Особенно сторонились всякого чужого человека, появившегося в их селе, женщины.

Производственные и бытовые контакты с русскими наметились с начала 1930-х годов (т. е. в годы коллективизации). С 1934 г. в Девненском и Георгиевке поселились русские. Началась совместная работа в колхозах, бытовое и языковое сближение. Но если албанский язык освоила только часть русских переселенцев, главным образом дети и молодежь, то русский стал постепенно достоянием всех албанских крестьян, также как болгар, гагаузов и молдаван в соседних селах. Русский язык распространялся через школу, газеты и другие средства информации, был официальным языком административного и колхозного делопроизводства. В результате к середине 1940-х годов все жители сел, включая пожилых женщин, могли объясняться по-русски. С середины 1930-х годов стали заключаться браки между албанцами и русскими. Как правило, молодая пара поселялась в доме родителей мужа, вела с ними общее хозяйство (выдел сына тотчас после женитьбы не был принят). Естественно, что языком домашнего общения был родной язык старшего поколения, свекра и свекрови, а национальная принадлежность детей в таких семьях определялась по национальности отца.

Итак, в наши дни в албанских селах Запорожской области, как и в с. Жовтневом (Каракурте), общесоветские формы культуры в их русскоязычном или албаноязычном варианте взаимодействуют с элементами традиционной интегрированной культуры потомков задунайских колонистов, сложившейся в XIX в.

В отличие от многоязычного и многоэтнического Жовтневого традиционная культура понимается местным населением как «албанская», так как ее носители — албаноязычные жители сел Девненского и Георгиевки (Гаммовка ныне включена в границы районного центра Приазовья).

Элементы традиционной культуры у жителей приазовских сел сохранились, пожалуй, несколько лучше, чем в Жовтневом. Может быть, здесь сказалась большая в прошлом изоляция от других этнических групп. Кроме того, Приазовский район Запорожской области расположен в стороне от г. Мелитополя, в то время как с. Жовтнево стало ныне фактическим пригородом Болграда.

⁴⁷ Об особенностях развития говора албанцев, живущих в Приазовье, см. *Шарпова Л. В.* Грамматический род имени существительного в говоре албаноязычных поселений Украины — В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976, с. 105 и сл.

Внешний декор жилых домов совершенно изменился: в 1972 г. только на одном или двух домах в с. Георгиевка сохранились украшения из тесаных кирпичей. В Жовтневом тоже таких домов не более двух или трех. Внутреннее убранство жилых комнат традиционными декоративными тканями ныне принято в Приазовье в большей мере, чем в Жовтневом, где сильнее ощущается тяготение к современному городскому интерьеру. Традиционное праздничное платье было обязательным для каждой приазовской албанки любого возраста еще 20 лет назад. Повседневной одеждой женщин было безрукавное платье типа чукман, в то время как девочки и девушки носили платья, юбки и кофты из фабричных тканей общераспространенного городского покроя. Еще 10 лет назад пожилые женщины в праздничные дни наряжались в традиционные платья (сшитые из фабричных тканей по старым фасонам), дополняя туалет своеобразными нагрудными украшениями и височными кольцами. В Жовтневом традиционные платья практически не сохранились даже в сундуках пожилых женщин; равным образом исчезли из обихода национальные украшения.

Этническое самосознание в албаноязычных селах Приазовья выражено более четко по сравнению с Жовтневым: главный его признак — родной язык семьи — дополняется сознанием принадлежности данной семьи к албанцам и привычными культурно-бытовыми навыками.

* * *

Современную жизнь албаноязычных сел Украины характеризуют факторы, непосредственно вытекающие из образа жизни советских людей: подъем общего культурного уровня сельского населения, расширение его кругозора. На бытовом уровне современной культуры здесь наблюдается устойчивая тенденция: элементы культуры, унаследованной жителями албанских сел УССР от предков — задунайских колонистов, в социальном плане оцениваются ниже общесоветских норм современной урбанизированной культуры. Современные промышленные товары — предметы обихода и массовой культуры — не только количественно преобладают над предметами местного производства, принадлежащими традиционному культурному комплексу, но и вытесняют их во все возрастающем темпе.

Некоторые элементы традиционной, балканской по происхождению культуры сохраняются благодаря своей рациональности: обувь из одного куска сыромятной кожи, повсеместно известная на Балканах (*опинги, опанцы, цервули, постолы* и проч.), являвшаяся распространенным видом обуви у балканских мигрантов до первых лет коллективизации, ныне носят только пастухи, так как в ней удобно ходить по пересеченной местности в любую погоду¹⁸.

Но порой стремление завести жизнь «как в городе» (что совпадает⁷ с понятием «культурная жизнь») приводит к потере традиций, выработанных опытом многих поколений. В жилых домах (вновь отстраиваемых и перестраиваемых старых) традиционная трехкамерная планировка сменяется многокомнатной, где бытовое назначение изолированных комнат отвечает современным представлениям об удобстве жилья, что

⁴⁸ В других селах изучаемого района, особенно в гагаузских, расположенных подале от городских и промышленных центров, традиционный костюм представлен большим числом элементов. В с. Димитровке Болградского р-на Одесской обл. мужчины и женщины выходят на повседневную колхозную работу в полном традиционном («национальном») костюме именно потому, что считают его будничным, «затрапезным»; отправляясь в колхозный клуб, они его не наденут. Следовательно, ошибочно представление, что традиционная одежда сохраняется среди народов СССР только как праздничная или как реkvизит национальных ансамблей (см., например, *Козлов В. И. Этнос и культура*, с. 76).

совершенно естественно. Однако, перестраивая жилые дома, часто отказываются и от *сундурмы* — галереи, протянувшейся вдоль фасада дома, обращенной во двор. А в условиях сельского быта в сравнительно теплом климате дом, двор и надворные постройки соединены в неразрывное хозяйственно-бытовое пространство, причем сундурма является естественным связующим звеном между ними: в теплое время года на ней выполняют различные хозяйственные работы, едят в семейном кругу, осенью сушат перец и кукурузу, в дождливые и снежные месяцы там устанавливают умывальник, по сандурме можно пройти в различные хозяйственные помещения, не выходя из-под защиты крыши, наконец, там хранят уличную обувь, которую обязательно снимают, входя в жилые комнаты. Всех этих как будто очевидных удобств лишаются жители новых модернизированных домов ради чисто престижных соображений.

Жилые комнаты обставлены мебелью, которая продается в магазинах близлежащих городов. Традиционные самодельные предметы выброшены из-за ветхости или же перемещены в кухни, спальни стариков и т. п. Отличительная черта убранства комнат — обилие декоративных изделий: ковров, покрывал, скатертей, занавесей и т. д., домашнего производства, либо изготовленных специальными артелями Болграда, либо фабричных, купленных в городских магазинах. В те времена, когда полы в жилых помещениях были глинобитными, стены изнутри обмазаны известью, когда спали на глинобитных возвышениях (алб. и гаг. *пат*, болг. *одър*), различного рода циновки, войлочные подстилки, ковры, преимущественно из овечьей шерсти, были бытовой необходимостью. Ныне они выполняют только декоративную функцию, считаясь совершенно необходимыми для «красиво» убранной комнаты. К ним присоединяются множество поделок ширпотреба, черно-белые и цветные фотографии многочисленной родни и т. п. Все это создает, ощущение перегруженности, утомительной пестроты интерьер⁴⁹.

Итак, нами рассмотрено несколько элементов в этнической культуре в связи с некоторыми особенностями этнического сознания и его динамики. В интересах краткости мы оставили за пределами изложения сферу обычаев, этики, систему ценностей, особенности семейного быта и многое другое. Уже неполный перечень этнических признаков позволяет говорить об интегрированном характере современной культуры изучаемой группы.

Процесс стирания традиционных этнических особенностей протекает преимущественно в материальной сфере быта. Он, естественно, сохoden с процессами, развивающимися и у других народов Советского Союза⁵⁹. Преемственность традиций у непосредственных соседей албанцев — украинцев, молдаван, болгар и гагаузов — выражается здесь преимущественно в устном народном творчестве и изобразительном искусстве, хореографии и музыке⁵¹. Этого нельзя, к сожалению, сказать об албанских группах, очевидно, слишком малочисленных, чтобы сохранить этнически обособленные индивидуальные формы народного творчества. Сужение сферы этнически специфических элементов культуры идет за счет расширения общесоветской модели культуры, вербальное выражение которой осуществляется через русский язык.

⁴⁹ Вряд ли можно согласиться с мнением В. И. Козлова о том, что отдельные предметы традиционной материальной культуры сохраняются лишь в виде более или менее случайных рудиментов (Этнос и культура, с. 76). По нашим наблюдениям, ничего «случайного» в этнографических реалиях не бывает.

⁵⁰ Современные этнические процессы в СССР. Гл. VII. М., 1977, с. 159—258.

⁵¹ См., например, сб.: Народные традиции и современность (развитие традиционных черт народной культуры в Советской Молдавии). Кишинев, 1980. В общей форме вопрос разработан К. В. Чистовым, см. К. В. Чистов. Фольклор и культура.— Сов. этнография, 1979, № 4.

Итак, существуют одновременно два явления: устойчивое этническое самосознание и ослабление роли этнически специфических элементов культуры на бытовом уровне.

Этническое самосознание оказалось в данном случае решающим фактором для определения этнической принадлежности семьи как коллектива и одновременно индивида как члена этого коллектива. Оно оказалось столь же решающим для функционирования всей этнической группы как определенной этнической общности, несмотря на территориальный и хозяйственно-культурный отрыв этой группы от основного этнического ядра⁵². Вербальным выражением этой сферы самосознания явился родной язык.

Языковой фактор служил главным этнодифференцирующим признаком и ранее, во время совместной жизни в болгарских землях. Тюркоязычные гагаузы и албанцы, язык которых стоит особняком в индоевропейской семье, конечно, четко отличали по языку «своих» от «чужих», несмотря на интенсивную культурную ассимиляцию. Языковой фактор подкреплялся общественным мнением. Ближайшее окружение, в первую очередь семья, коллектив соседей конкретного «конца» села и, наконец, весь сельский коллектив с его устойчивыми традиционными понятиями об этнической принадлежности индивида формирует его индивидуальное сознание в выборе своей этнической (национальной) принадлежности. Наши материалы подтверждают мнение В. И. Козлова о том, что этническое сознание «формируется вместе с личностью человека, в процессе выработки основных социальных ориентаций»⁵³.

На примере небольшой группы албанцев, живущих вне основного массива своего этноса, мы видим, что в этих конкретных условиях этническое самосознание, которое, по выражению Н. Н. Чебоксарова, «представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность»⁵⁴, приобретает самостоятельное значение.

⁵² Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— Сов. этнография, 1967, № 4; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 98.

⁵³ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в истории этноса.— Сов. этнография, 1974, № 2, с. 87.

⁵⁴ Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 99.